

ПО ТУ СТОРОНУ РЕКИ

ТАКЖЕ ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

ЯРИЛИНА РУКОПИСЬ

ЗЕЛЕННЫЕ СВЯТКИ

ДРАКОНЬЯ ВОЛЫНЬ

МАРИНА КОЗИНАКИ
СОФИ АВДЮХИНА

Русский Круг

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К 59

К 59   **Козинаки, Марина.**

Русалий круг : роман / Марина Козинаки, Софи Авдюхина. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 512 с. — (По ту сторону реки).

ISBN 978-5-17-101077-5

Светлое сообщество готовится к важному событию — Русальему кругу. Посвященные маги из Заречья, Дивноморья и Китежа соберутся в Суздаль, чтобы испытать силу и удачу. Имена Мити и Севы оказываются в списке участников. Отправляется в Суздаль и Полина. Несмотря на то что с Водяной колдуньей все чаще случаются приступы, на соревнованиях ей отведена особая роль. Друзья радуются новым приключениям и победам и не подозревают, что ждет их в конце Русальего круга, когда два мира — живых и мертвых — соприкоснутся. И победа вовсе не означает, что ты останешься в мире живых.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-101077-5

© М. Козинаки, С. Авдюхина, 2017
© М. Козинаки, фотография на обложке, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2017

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Тридесятый Вестник

Снег падал легкий, похожий на пух. Он неслышно опускался на крыши домов, шапками застывал на верхушках садовых яблонь и берез у ближайшего леса. Праздничная тишина разлилась над небольшой деревушкой. Дорогу, расчищенную колесами недавно проехавших машин, в считанные минуты занесло. Опускались сумерки, на небе зажигались далекие бусины звезд. Жители, которых тут обитало не так уж и много, сегодня собрались за столом соседа Сергеича — к тому приехали дети с внуками, и пригласили всех на новогодний ужин.

Старушка, принарядившаяся по случаю, устроилась с краю и рассматривала гостей. Дочь Сергеича она помнила еще юной девчонкой, а сейчас та превратилась в степенную даму: носила высокие каблукки, дорогие украшения, приезжала на собственном автомобиле и привозила отцу подарки из зарубежных поездок. Чуть поодаль сидел сын Сергеича, уже давно вышедший из молодого возраста, но старушке он все равно виделся лопоухим сорван-

цом, который ворует соседские яблоки. С кем же он сейчас разговаривал, она никак не могла взять в толк. Этот незнакомец улыбался, охотно подливал вина хозяину дома и расспрашивал пожилых соседей про деревню. Те делились историями, и только старухе отчего-то было неспокойно: она буравила его взглядом, хмурила брови и покачивала головой. Он ей не нравился.

— И что, неужели у вас тут случаются странности? — удивленно воскликнул непредставленный гость, обращаясь сразу ко всем. Сергеич только-только закончил сбивчивый рассказ о студентах, которых одна организация привозит сюда пару раз в год для помощи старикам. Зачем-то приплел и про урожайный год, и про то, что без студентов никто бы не справился: так все ловко и быстро у них получается делать. После этого старый пьянчуга принялся на голубом глазу выдумывать, будто леший путал тропинки в лесу, а гость лукаво поглядывал на него синими, как июльское небо, недобрыми глазами.

— О, странности тут постоянно происходят! Мамка, помнишь, как в прошлом году горели? — воскликнул только что вошедший в комнату Степан, сын старухи.

Она кивнула, но не ответила.

— Есть у нас тут бабка одна, давно из ума выжила, — продолжал Степан, посмеиваясь. — Решила по осени траву за домом жечь. Говорит, мол, здесь надо подгрести да пролить водой, а там уж по ветру и зажечь можно. Сергеич сказал, что дура, мол, спалишь нас всех, а она за свое. Ну и пошел пожар.

Сначала помаленьку, в поле. Потом через дорогу ветром перекинуло и как полыхнуло! А там тоже деревня, в низине. Нижняя. Мы так и зовем. Много ветхих домов, а с пяток совсем новых, дачных. Ну, думаю, все. Не выберемся, возьмет огонь в кольцо, и все тут поджаримся. Всей деревней бегали тушили, но разве справишься со стихией? А потом вдруг все прекратилось. Разом. Был огонь и не стало.

— Невероятно! — ответил гость, потряхнув длинными темными волосами, и старуха опять на него покосилась: взрослый мужик вроде, видный, а все ходит с такими патлами. — Но что же здесь странного?

— А видели мы их. Все видели.

— Кого?

— Тени. Вроде люди, а вроде и нет. Поднимется пламя, а за ним вдруг как будто мелькнет... Девушка разглядела: косы черные, глаза как неживые. Руки вскинула, и огонь ушел, а она вместе с ним. Я думал, мерещится, едкий дым развел глаза. А вечером тетка Маруся призналась, что заметила парня. Вот точь-в-точь как студент, которого летом присылали: лысый, тощий, улыбка до ушей. Огонь словно шархнул от него, исчез, оставив лишь черное поле. Но и пацан пропал. Много их было, этих пацанов и девок. Человек десять.

— С трудом верится! А что, говорите, каждый год молодежь приезжает? Давно ли?

— Да года четыре, наверное.

— Помнится, нас тоже так отправляли... в деревню к старикам. Правда, здесь я не был.

— Ну! — Степан причмокнул, отправляя в рот соленый огурец. — Тогда всех отправляли на картошку, в Союзе.

— Да, верно, — согласился незнакомец.

— А ведь еще был случай на Ивана Купалу! — вдруг спохватилась дочка Сергеича. — Гостила тут девушка у бабы Нины. Соседки повели ее купаться ночью на реку, а там с ней сделался припадок. Она даже в воду не успела зайти, лишь притронулась пальцем. Так все девчонки утверждают, что откуда ни возьмись появился паренек, выпытывал ее имя да и вовсе не подпускал их к ней какое-то время. И потом испарился. У нас тут такого мальчишки отродясь ни у кого не было. Говорят, прибежал он с холма, а за холмом бурьян ведь, туда залезешь и пропадешь!

Раздался грохот. Незнакомец изменился в лице и резко поднялся со скамьи, едва не опрокинув миску с соленьями, стоявшую перед ним. Допотопные часы на стене бухнули, стрелки доползли до отметки десяти, отворилась крошечная дверца, из-за нее выскочила механическая кукушка. Но трель по комнате разнеслась соловьиная.

— Невероятные истории! Не деревня у вас, а заколдованный круг какой-то. Люди появляются и исчезают, студенты... Ну, спасибо за стол, за гостеприимство, мне пора.

— Как? До нового года пара часов же!

— Ничего, я успею. Не беспокойтесь. — Наконец гость снова расплылся в улыбке, пожал руки мужчинам и уверенно зашагал к двери.

За столом повисло непривычное молчание. Соседи подкладывали в тарелки угощения и избегали взглядов друг друга. Старуху все не отпускала тревога. Хотелось зачем-то остановить этого странного неприятного человека, что-то у него спросить. Сама не зная зачем, она встала и прошаркала в сени. Распахнула входную дверь, но за ней никого не оказалось. Не было даже следов у порога. Только снег продолжал тихо падать да безразлично светила половинка луны.

* * *

— Привет, Батман, — кивнул Митя домовому и огляделся: все такие же неестественно длинные тени от мерцающих вешалок гардероба ползли по стенам и потолку, те же мрачные углы, из которых того и гляди выпрыгнет какое-нибудь существо вроде карликового рогозуба. Безголовая парочка в шапках-невидимках зажималась в одном из них: у девочки виднелся конец длинной русой косы, парень же был одет в легкую льняную рубашку с закатанными рукавами, что выдавало в нем Огненного, — в такой холод только Огненные не носили свитеров и плащей в этих стенах. Белая Усадьба продолжала жить своей жизнью. Немного усилился уровень магического фона — и колдовство явно относилось к Земляной магии: наверное, кто-то ставил барьеры, отпугивающие грызунов и всякую мелкую нежить. Обновился и спиритический щит, не позволяющий вызывать на разговор умерших колдунов, — некромантия была строго запрещена здесь, да и случай-

но забредшие души покойных могли напугать кого угодно. Хотя даже несмотря на этот щит, некоторые особо чувствительные колдуны все равно умудрялись уловить «привет» с того света.

— А, это вы? — воскликнул Батман, не отрывая глаз от берестяного свитка. — Что так рано? Мы вас ждали только через три дня.

— Соскучились по Белой Усадьбе, — ответил Митя.

— Угу, — подтвердил Сева, подошедший к домовому вслед за другом.

— Ну да, — недоверчиво ответил Батман. — Вот ваши ключи.

— Спасибо.

— И «Тридесятый Вестник» возьмите. — Домовой протянул журнал.

— Нет, не надо.

— Возьмите-возьмите. Новый. Сегодня появился.

— Сегодня? — Митя удивленно покосился на журнал и, подумав пару секунд, все-таки его взял.

— Она точно уже здесь? — спросил он, поднимаясь по лестнице на третий этаж и сворачивая в левое крыло.

— Да.

Речь шла о Водяной колдунье.

— Отец сказал. Он приехал сюда раньше нас, чтобы ее встретить.

— Зачем?

— Монье — специалист по темным проклятиям — задержится во Франции: отцу придется ее

осмотреть. Нужно будет придумать, как нам улучшить момент, когда она останется одна.

— А Жаба здесь?

— Да, раз он просил меня зайти!

— Ты думаешь, что...

— Я думаю, мне придется ему ответить, — перебил друга Сева. — При последней встрече он сказал, что все неофиты чуть ли не автоматически попадают на Русалий круг. Что еще мне остается делать, Муромец, кроме как согласиться стать его неофитом?

— Ты так хочешь участвовать?

— А ты?

— Кстати, Велес и правда меня спрашивала, хочу ли я участвовать. Но она сказала, что, если я действительно хочу пройти отборочные испытания, мне нужно работать в полную силу, чтобы показать себя. Но, боги, над чем работать-то?!

— А мне, кажется, придется все-таки стать неофитом целителя. Признаюсь, это не то, о чем я мечтал, но все же будет полезно. Эй! Что с тобой? — Сева оглянулся, только теперь сообразив, что Митя не просто отстал от него, а вовсе остался стоять истуканом далеко позади. Глаза Муромца были устремлены в журнал.

— Тут... Откуда это здесь? — Колдун продолжал тарачиться в «Тридесятый Вестник».

— Что там? — Сева вернулся назад, дернул Митю за рукав, и опять направился к комнате.

Митя, едва не сев мимо стула, развернул журнал так, чтобы Севе была видна небольшая статья на первой странице.

— «В канун Коляды в доме Муромцев дали бал по случаю дня рождения наследника богатейшего и старейшего семейства — Дмитрия Васильевича Муромца». Как это появилось в «Тридесятом Вестнике»? — вне себя воскликнул Митя.

Сева улыбнулся.

— Я же просил! — возмущался Муромец. — Я согласился на этот бал с одним-единственным условием — чтобы не было никаких репортеров и фотографов. Никаких!

— Ну, как видишь, фотографий в статье нет, но твои родители не могли учесть всех мелочей: вот, кто-то из «Тридесятого Вестника» все-таки побывал там.

— Но кто?! — Митя взглянул на Севу.

— Я не знаю, прочти, что там дальше. Может, догадаемся?

— «Торжество посетили знатные и влиятельные особы не только Росеника, но и других городов. На балу были замечены Романовы, Рублевы, Нарышкины, Долгорукие. Появление последних, к слову, вызвало плохо скрываемое недовольство всего семейства Муромцев, которые надеялись, что эта ветвь их фамильного древа пренебрежет правилами приличия и останется в этот вечер дома. Речь, конечно, идет о Николае Долгоруком и его жене Агафье, а ни в коем случае не о невесте Дмитрия Муромца», — Митя запнулся и замолчал. Он вернулся к последней фразе и вновь перечитал ее, словно не веря в то, что она была на самом деле напечатана.

— Забавная статья, — сказал Сева, уловив резко изменившееся настроение Муромца.

— Кто автор? — Митя повертел журнал в руках. — Кто этот автор? Я уверен, это писал тот, кто... кто очень хорошо знает нас.

— Такой вывод ты сделал только из этих строк?

— Да.. я как будто это чувствую. — Митя закрыл глаза, попытался сосредоточиться и увидеть лицо колдуна, который мог это написать, но в голове вдруг словно начало что-то жужжать, а перед внутренним взором засуетился рой черных мушек — так действовал блок защитных заклинаний, наложенных работниками журнала. Пришлось продолжить чтение:

— «Родители именинника вместе с самим Митей (которому несказанно шел его праздничный алый кафтан) встречали гостей, прибывших в этот вечер в их особняк. Однако Василию Ильичу Муромцу роль добродушного хозяина удавалась куда хуже, чем его жене: было видно, что он предпочел бы не встречаться с некоторыми особами, к числу которых относился не только Николай Долгорукий, но и Анатолий Звездинка, член Вече старейшин. Поэтому Василий Ильич пробыл с гостями недолго и на какое-то время вовсе исчез из поля зрения.

Посетила торжество и Вера Николаевна Велес, главная наставница Белой Усадьбы, со своим мужем, профессором Звягиновым, которого она, помня опыт прошлого года, старалась не отпускать далеко от себя», — Митя снова осекся, но теперь из-за того, что Сева усмехнулся.

«Не пропустил праздник и Ирвинг, глава Светлого сообщества, однако он задержался в поместье Муромцев всего на пару часов, словно пришел только ради какого-то важного и срочного дела, и удалился, не дождавшись десерта. Если бы мы не знали Ирвинга, то его поведение можно было бы объяснить страхом перед Евдокией Рюриковной, которая, как известно, недолюбливает главу Светлого сообщества. Многие бы на его месте тоже предпочли исчезнуть, нежели столкнуться с ледяным взглядом хозяйки дома, который не могла смягчить даже ее приветливая улыбка». — Митя проговаривал все эти слова, а щеки у него горели от того, как точно неизвестный автор статьи подметил те черты его семьи, которые он сам предпочел бы не замечать: он еще никогда не испытывал ничего подобного. Обычно в каждой газетной статье Муромцев только расхваливали. — «В это трудно поверить, но на балу присутствовало несколько человек и не из знатных семей, и даже потусторонние — эти маги очутились в сказке благодаря дружбе с именинником и каким-то чудом были допущены в поместье самого знатного и богатейшего рода не только Росеника, но и всего Тридесятого государства. Сам виновник торжества явно был рад им, чего нельзя сказать о его матери, которая предпочла их вовсе не замечать.

Главным развлечением вечера стали танцы. И если вальсы вызвали больше восторга у старшего поколения, то молодежь ликовала, когда на сцену вышла Полонья Златовласка. Все же родители

Дмитрия Муромца смогли устроить сыну хороший праздник. И хотя почти весь вечер именинник, как и полагается, протанцевал со своей невестой Марьяной Долгорукой, все же пару вальсов он прокружил в объятиях сомнительных по происхождению и по положению в обществе девушек.

Надеемся, Митя Муромец остался доволен торжеством. И еще раз его поздравляем!»

— Хм.

— Есть идеи, кто мог это написать? Потому что у меня... — начал Митя, но опять не договорил, задумавшись.

— Конечно, есть! Я не могу назвать имя автора, но могу кое-что про него сказать.

— И что именно?

— Здесь не упоминается происшествие, которое заставило всех гостей переполошиться: приступ Водяной, разыгранный приступ, надо сказать. Может, этого человека, уже не было на балу в это время. А может...

— Да, но тут говорится о том, когда ушел Ирвинг! А он ушел уже после ее приступа.

— Но и пробыл он не два часа, а добрую половину бала. Мне кажется, замечание про Ирвинга здесь лишь для остроты сюжета.

— Здесь вообще нет ничего о Водяной. Может, они не знакомы? И об Анисье ни слова. И описаний платьев нет.

— Из описаний разве что «Муромец, которому несказанно шел его праздничный алый кафтан», — процитировал Сева и усмехнулся.